

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 1999 г., ЭО, № 6

Н.А. Томилов

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

*Посвящается светлой памяти
моего учителя – крупнейшего этнографа
Ильи Самуиловича Гурвича
(в связи с 80-летием со дня его рождения)*

Исследования на стыке археологии и этнографии в XX в., особенно в последние четыре десятилетия, ввели в научный оборот относительно большой объем фактических данных и привели к новым методолого-теоретическим обобщениям, выводам, к разработке источниковедческих и методических аспектов археолого-этнографических работ. Это позволило ряду ученых за рубежом, а затем и в России заявить о формировании нового направления исследования на стыке археологии и этнографии. Оно получило название этноархеология и стало широко распространяться начиная с 1960-х годов.

Цель данной статьи – довести до сведения научного сообщества некоторые результаты методолого-теоретических разработок в области интеграции археологических и этнографических исследований, выполненных группой этноархеологов Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук и Омского государственного университета.

Совместные археолого-этнографические работы проводятся омскими учеными с конца 1970-х годов в рамках исследования проблемы многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов, о чем нами сообщалось ранее, в том числе и на страницах журнала «Этнографическое обозрение»¹. Естественно, что эти конкретные эмпирические научные работы закономерно вызвали необходимость концептуальных оснований и разработки отдельных методолого-теоретических положений, а также изучения историографических аспектов проблемы интеграции археологии и этнографии в исследовании проблем культуры и социума².

Потребность в этноархеологических знаниях возникла тогда, когда использование прямых и косвенных аналогий для археологов в этнографии и поиски этнографами следов традиционных культур предков современных народов в археологических материалах зашли как бы в тупик. Специалисты двух наук стали осознавать ограниченность таких «прямых» обращений археологов к этнографии, а этнографов – к археологии.

Эти обращения не увеличивали существенно объем информации в области этнической истории – формирования (этногенеза) и последующего развития (этнодинамики) этносов и шире – историко-культурных общностей вплоть до этно-распада (гибели этноса или трансформации его в другое этническое образование).

Но казалось, что и для изучения истории социальных образований (институтов), социальных структур и отношений (социогенеза) поиски археолого-этнографических аналогий путем сравнительно-исторического метода, метода классификации и даже метода типологии также как бы исчерпали себя. То же самое виделось и в изучении процессов культуругенеза – становления и дальнейшего функционирования отдельных

явлений и традиционных систем культуры. И хотя результативность связи археологии и этнографии как смежных наук в изучении культур традиционных обществ была выше, чем в исследованиях социогенеза и социодинамики, все же и здесь имела место недостаточность простого сосуществования двух наук.

Таким образом, к середине XX в. возникло понимание того, что перевод по отдельности археологических и этнографических источников в область исторических знаний стал как бы недостаточным для нового информационного «взрыва» в исследовании истории населения первобытной и последующих исторических эпох вплоть до новейшего времени (особенно в тех случаях, когда речь идет о так называемых бесписьменных народах). Тогда некоторые археологи стали заниматься поисками путей внедрения этнографических знаний и методов (изучение процессов изготовления орудий труда, предметов быта, жилищ и т.д.) в археологию. А отдельные этнографы решили овладеть археологической наукой и сами проводить археологические раскопки и археолого-этнографические исследования. В советской науке во многом благодаря идеям и деятельности тогдашнего директора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР С.П. Толстова (но не только его) были приняты широкомасштабные меры, приведшие к многолетним работам Тувинской и Хорезмской комплексных археолого-этнографических экспедиций.

В 1960–1980-е годы ученые стали понимать, что простая консолидация усилий археологов и этнографов в изучении исторической действительности, включая прежде всего социокультурную (действительность вообще – это действительное бытие сущего³), хотя и приносит новые результаты, но все же недостаточно эффективна. Тогда-то и появилась идея интеграции археологических и этнографических исследований, которая в отличие от просто совместных работ ученых двух наук требовала новых исследовательских программ. Эти программы должны были быть направлены в первую очередь на восстановление взаимосвязности отдельных дифференцированных явлений археологической культуры и социума (общества). В науке ставилась задача воссоздать археологический социокультурный организм (комплекс) в целостности.

И здесь выяснилось, что без этнографического видения трудно реконструировать и конструировать такой комплекс. Именно этнография могла помочь восстановить недостающие звенья в таком комплексе путем видения сопряженности социокультурных явлений и их функций в единой системе. Действительно, социокультурные явления тесно взаимосвязаны (сопряжены) друг с другом в системе природная среда – способы производства и жизнедеятельности – поселения – жилища – пища – народные знания – религия – искусство – стереотипы поведения и многое другое.

Объем взаимодействия и взаимопроникновения археологии и этнографии в деле реконструкции и конструирования социокультурных комплексов археологического прошлого и их отдельных составляющих, при изучении этих комплексов и процессов их формирования и функционирования оказался очень большим. Поэтому встал вопрос о качественно новом сближении этих наук на уровне интеграции и о появлении нового этноархеологического научного направления⁴.

Представляется, что актуальность этноархеологических исследований связана с получением новых знаний, с переосмыслением (насколько это возможно) под углом зрения предмета и проблем этноархеологии результатов прошлых исследований (видимо, прежде всего в археологии и палеоэтнографии), с использованием этноархеологических знаний в других науках (культурологии, социологии, социальной философии и др.), а также отчасти в современной практике решения социокультурных проблем.

В данной статье не ставится задача подробно охарактеризовать различные подходы к этноархеологии, а приводятся лишь общие сведения о них. Основное внимание уделяется точке зрения омских ученых (и некоторых поддерживающих их коллег из других городов) об этноархеологии как особом научном направлении⁵.

До 1960-х годов консолидация археологии и этнографии выражалась в обращении археологов к этнографическим материалам, как правило, с целью найти аналоги в культурных явлениях для изучения процессов культуро- и этногенеза. Археологи,

работавшие в области социальной археологии, также привлекали этнографические данные о социуме и социальных отношениях, используя в основном метод сравнительно-исторического анализа. Этнографы в свою очередь с помощью археологических материалов и артефактов (в данном случае это сконструированные из археологических остатков либо даже созданные искусственно конституированные предметы, вещи, инструменты, явления⁶) расширяли возможности науки в исследовании проблем культурогенеза, социогенеза и (как части последнего) этногенеза.

В 1960–1970-е годы в англо-американской археологии этноархеология стала развиваться как направление, связанное прежде всего с методикой современной археологии⁷. Этноархеологию стали определять как «археологию действия», «живую археологию», акцентируя внимание на анализе механизмов археологизации «живой культуры»⁸. Цель основного метода этноархеологии в западной науке была определена как достижение умения проводить более объемные или даже почти полные реконструкции социокультурных явлений. А основной задачей стало изучение закономерностей и механизмов превращения «живой» культуры в «мертвую», иначе говоря – превращение этнографической культуры в археологическую. Познание этих закономерностей и механизмов резко увеличивало возможности обратного действия – воссоздания на археологических материалах «живого» социокультурного облика древнего населения.

Каково отношение отечественных ученых к такому пониманию этноархеологии на современном этапе? Буквально лишь единицы ученых России работают в области этноархеологии. В литературе совершенно справедливо отмечается, что «...в отечественной археологии отсутствует сколько-нибудь обобщенный опыт этноархеологических исследований как в историографическом, так и в археолого-этнографическом плане»⁹.

И.Г. Глушков пишет, что этноархеология, возникшая в конце 1950 – начале 1960-х годов в недрах англо-американской археологии, базировалась «...на целенаправленном изучении живой культуры для целей археологической реконструкции»¹⁰. Складывается впечатление, что этот известный сибирский ученый-археолог склонен придерживаться такого же понимания данного научного направления. И уже совсем конкретно – только с методической стороны – определяет этноархеологию А.В. Кениг, когда под этим научным направлением предлагает «...понимать метод экспериментального моделирования, проводимый на "живой" этнографической культуре»¹¹. Интересно, правда, что этот же ученый приводит мнение американских коллег, внесших наибольший вклад в этноархеологическую проблематику, о том, что этноархеология «...призвана выявлять не только общие закономерности развития древних обществ, но и их особенности»¹², закрепляя тем самым за этой сферой науки не только методику, но и теорию культуры, общества, а также их динамику.

Из отечественных этнографов на эту тему более подробно высказывается В.А. Шнирельман. Освещая развитие зарубежной этноархеологии 1970-х годов, он в целом справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на то, что западные этноархеологи на том этапе не смогли «...найти необходимый "баланс" между организующей ролью теории и корректирующей ролью методики». И далее он стремится более точно определить суть работы этноархеологов, «...которые ищут пути совершенствования процедуры исторических реконструкций, стремясь глубже понять органичность связи между культурными остатками и функционирующими культурными системами»¹³.

Ему принадлежит и определение этноархеологии. Оно выстроено следующим образом. «Этноархеология (Ethnoärcheologie, Ethnoarchaeology, Ethnoarchéologie; синонимы – археологическая этнография, археология действия, живая археология) – направление исследования, появившееся на стыке археологии и этнографии и широко распространившееся в 60–70-е годы. Объектом исследования этноархеологии служит материальная культура современных народов, а предметом – специфика отражения в ней особенностей поведения людей и их социальных взаимоотношений»¹⁴.

Здесь же В.А. Шнирельман определяет виды работы этноархеологов: 1) этно-

графические наблюдения, раскопки поздних памятников (поселков и стоянок), сопоставление этнографической информации с материалами раскопок и вскрытие взаимосвязей «...между материальной культурой и ее остатками, с одной стороны, и живой социальной действительностью – с другой», построение гипотетических моделей для использования их археологами, изучающими древние памятники; 2) корректировка этнографической картины (из опроса информаторов) археологическими данными; 3) раскрытие роли материальной культуры в функционировании общества; изучение хозяйственной, социальной, символической и других функций материальной культуры; выявление ее пространственного распространения и влияющих на него факторов; 4) выявление и исследование особенностей материального производства на всех его этапах, процесса «умирания» материальной культуры «...после ее выхода из употребления и т.д.»¹⁵

В оценках В.А. Шнирельмана в связи с определением этноархеологии важны два момента. Во-первых, этноархеология определяется как научно-исследовательское направление, которое не только сложилось на стыке археологии и этнографии, но и существует как субдисциплина и в археологии, и в этнографии.

Второй момент – это широкая проблематика, разнообразные виды и методы работы в этноархеологии. И действительно, в область научных знаний и опытов этноархеологии ученые включают внедрение, интерпретацию и исследование этнографического материала в сфере археологии, в том числе путями археолого-этнографических аналогий (прямых или скорректированных), этнографического осмысления археологических остатков и археологических ситуаций, внедрения системного подхода, анализа и синтеза функциональных связей с целью воссоздать археологическое бытие, изучения процессов «археологизации живой культуры» и др.¹⁶ Налицо стремление этноархеологического направления к новым научным поискам, к расширению своей проблематики и разработке новых методов исследования.

Вот что по этому вопросу пишет исследовательница из Ижевска О.М. Мельникова: «...целостное восприятие этноархеологии как научной дисциплины сформировалось у специалистов, чьи исследования изначально строятся на понимании объекта этноархеологии как социокультурной системы, реконструируемой путем интеграции археологических и этнографических знаний (Томилов Н.А., 1997) ...По всей видимости, этноархеология трансформируется из метода исследования (как способа познания материальной культуры через традиционные методики источниковедческого анализа археологии и этнографии) к исследовательскому направлению с широкой предметной сферой – от древней ископаемой материальной культуры до современной материальной культуры (археологии самих себя), от него – к самостоятельной дисциплине, генетически связанной с археологией, этнографией посредством источника, а в широком смысле с историей в целом – со всеми структурными компонентами научной дисциплины – объектом, предметом науки, познавательными установками, теорией, методами исследования, понятийным аппаратом и т.п.»¹⁷.

Ученые – археологи и этнографы Омска, приступившие к этноархеологическим работам, в ходе их все более убеждаются, что масштаб и проблематика этноархеологических исследований гораздо объемнее, чем это им представлялось в начале работы. Они считают, что об этноархеологии следует вести речь все же не только как о методике реконструкции древних культур и обществ, но и как об особом научном направлении.

Ниже мы приводим определение этноархеологии, которое представляется нам следующим образом: этноархеология – научное направление (или даже отдельная формирующаяся наука), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX в., призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем.

И более краткая дефиниция этого направления: этноархеология – наука о культуре и обществе, интегрирующая археологическое и этнографическое познание.

Опорой для такого подхода к выработке определения этноархеологии служит методологическое положение о том, что совокупность человечества «...есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры»¹⁸. В этом плане смысл этноархеологических знаний – это познание процессов структуризации и системоорганизации социокультурных явлений в археологической и этнографической действительности. В конце концов все сводится к поискам, реконструкции, конструированию и исследованию социальности, социума, общества, организующими свои отношения в соответствии с культурными артефактами, иначе говоря, к обнаружению и изучению моделей социокультурной действительности и их динамики.

Теперь вопрос о том, признается ли этноархеология в российской науке отдельной научной дисциплиной. Пока большая часть тех ученых, которые высказывались и высказываются на эту тему, предпочитают вести речь об этноархеологии как о направлении. При этом некоторые ученые говорят об этом нейтрально по отношению к археологии и этнографии, подчеркивая, что это направление сложилось или складывается на стыке этих двух наук. Другие ученые прямо относят этноархеологию к археологии, а некоторые из них называют ее методом археологии. Наконец, частично имеет место понимание этноархеологии как субдисциплины этнографии. Такие различия связаны с определенной этапностью возникновения и дальнейшего развития этноархеологических знаний. Первоначально этноархеология осмыслялась как направление археологии и даже как ее субдисциплина, носящая методический характер. А несколько позднее возникло представление, что этноархеологические исследования – это исследования, которые проводятся более в традиции этнографии.

Для формирования новой научной дисциплины необходимы определенные условия и факторы. Среди них основными являются следующие: 1) социальная потребность в знаниях нового научного направления; 2) научные наработки, методы, накопленные знания и т.д.; 3) уровень дисциплинарной организации науки, взаимодействие между учеными и т.д.; 4) подготовка специалистов данного профиля (наличие специальности, учебных курсов, учебников, кафедр и т.д.).

Относительно социальных и научных условий для формирования отечественной этноархеологической дисциплины можно отметить положительную тенденцию – такие условия складываются. А что касается третьей и четвертой позиций, то здесь пока обнаруживается явный недобор поименованных выше условий.

Дисциплинарная организация этноархеологии как науки только намечается. Так, имеются Сектор этноархеологии в Институте этнологии и антропологии РАН (Москва), небольшие группы по этноархеологии в Сибири (Кемерово, Омск, Сургут, Томск) и в других регионах России (сведения по ним еще не обобщены) и небольшое число специалистов, работающих почти в одиночку в области этноархеологии. Таким образом, научно-исследовательских учреждений или их отдельных подразделений в сфере этноархеологических знаний пока явно недостаточно для того, чтобы можно было бы считать этноархеологию частной научной дисциплиной.

Также недостаточны здесь частота и плотность взаимодействия между учеными. Проблемы этноархеологии, конечно же, обсуждаются на разных международных, российских и региональных научных конгрессах, конференциях, семинарах и симпозиумах, проводимых в России. Омские ученые надеются на организацию в разных научных центрах страны ежегодного всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» и возведение его в ранг международного мероприятия. Такие семинары состоялись начиная с 1993 г. в Новосибирске, Омске, Санкт-Петербурге, Уфе, планируется их созыв в Москве, Владивостоке, Екатеринбурге, Кемерово и снова в Новосибирске и Омске. Но пока нет общественного объединения специалистов в этой области в виде ассоциации, научно-координационного совета или какой-либо другой организации.

Нет и научного журнала по этноархеологии, объединяющего ученых. Научные

труды в этой области печатаются в различных сборниках, результаты этноархеологических исследований публикуются и в отдельных монографиях. Омские ученые издают книги многотомной научной серии «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума», и есть надежда, что часть ученых разных научных центров страны будут публиковать в этой серии работы этноархеологической направленности.

Что касается подготовки специалистов данного профиля, то здесь предпринимаются лишь первые шаги в рамках либо археологии, либо этнографии. Нет отдельной специальности «этноархеология» в вузах, нет соответствующих кафедр, аспирантуры. И все же разрабатываются учебные курсы по этноархеологии и ее отдельным разделам, готовятся специалисты высокой квалификации, написаны и защищены первые диссертации по этноархеологической тематике.

Тем не менее этноархеология как отрасль научных знаний продолжает формироваться в России. И это подтверждает тот общий факт, что современные научные дисциплины «...относительно не находятся в застывшем, статическом состоянии» и что «в науке происходят, как принято выражаться, "бурные" процессы дифференциации и интеграции»¹⁹. В связи с этим на данном этапе важно определить возможное место этноархеологии в системе гуманитарных наук, наметить направления и программы этноархеологических исследований.

Этноархеология в случае ее формирования определяется как научная дисциплина общественнознания – семейства наук, в которое входят такие частные науки, как история, социология, психология, экономика и др. Последние относятся к традиционным, классическим наукам²⁰. Но в истории выделяют также частные традиционные науки, среди них – археологию и этнографию. Видимо, такой же научной дисциплиной может стать и этноархеология.

Сегодня вопрос о предмете формирующейся в отечественной науке этноархеологической дисциплины дискуссионен. Он связан в свою очередь с вопросом об объекте исследования: что нужно изучать – действительность или методы, или то и другое? И ответ на этот вопрос будет иметь практическое значение. Если этноархеология будет сведена к разработке методик, то она окажется в ряду так называемых нетрадиционных дисциплин, связанных с предписаниями (созданием проектов, технологий и т.п.) и разработками методик исследования. Это верное направление, именно здесь имеются определенные наработки не только в зарубежной, но и в отечественной науке.

Видны и перспективы этноархеологии в изучении социокультурной действительности прошлого. Возникают и, видимо, будут в дальнейшем возникать новые конкретные исследовательские программы. Имеются возможности для создания программ новой систематизации уже десятилетиями накопленных и известных в археологии и этнографии знаний. А единство исследовательских и коллекторских программ²¹ может открыть горизонты получения качественно новых знаний в этноархеологии, которые существенно пополняют исторические знания. Сегодня есть потребность и в методологических исследовательских программах этноархеологического исследования. Конечно же, важное место должно быть отведено программам по разработке методик исследования этноархеологического объекта.

Поиск есть поиск, и не надо опасаться, что представления (версии) ученых о новой формирующейся дисциплине «этноархеология» сегодня не совпадают. Это нормальное явление, так как процесс становления любой научной дисциплины отражается в самосознании ученых по-разному. Главное – не сузить горизонты и проблематику этноархеологических исследований. От этого зависит и подготовка кадров в сфере этноархеологии. Естественно могут возникать разные научные направления, а в будущем, возможно, и различные научные школы (как это бывает в любой научной дисциплине). Но некоторая опасность при явной зауженности проблематики этноархеологии из-за разных трактовок ее объекта и предмета заключена в подготовке специалистов с односторонним уклоном знаний.

Переходя к вопросу об объектно-предметной области этноархеологических исследований, необходимо отметить еще одно обстоятельство: данное направление формируется на стыке археологии и этнографии, вернее путем интеграции последних, или, как еще говорят, путем «скрещивания» наук²². В связи с этим естественно и «захват» этноархеологическим направлением некоторых исследовательских задач археологии и этнографии. При выделении новых научных направлений в любой области научных знаний это общее явление. Так, в истории возникло много частных научных дисциплин (археология, генеалогия, историография, источниковедение, этнография и т.д.), и, естественно, значительную часть задач исторической науки эти дисциплины взяли на себя. Поэтому не будет ничего странного, что этноархеологическое направление в объектно-предметной области имеет и будет иметь некоторое пересечение с археологией и этнографией. Важно определить специфику объекта и предмета этноархеологии, которая позволит установить круг исследовательских проблем, углубляющих в целом исторические познания.

Объект этноархеологии составляют, исходя из предложенного выше ее предназначения, социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми путем интеграции археологического и этнографического познаний.

Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также объединяться в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами. В таком объемном и несколько длинноватом виде определения исследовательского объекта и предмета этноархеологии приводятся нами с 1997 г.²³, хотя и ранее были попытки обозначить содержание этих дефиниций, но в менее полном виде²⁴.

Что касается более кратких сущностных определений, то они также должны быть получены. Однако это наиболее трудное дело. Пока мы можем предложить такой более краткий вариант определения только для предмета этноархеологии: это свойства социокультурных систем и процессов отражать в системе сопряжения археолого-этнографических познаний историческую действительность.

Исходя из предложенных определений, мы видим, что круг проблем теоретического и эмпирического уровней у этого научного направления достаточно широк. Их решение, как нам представляется, может существенно продвинуть познание человечеством своей истории. Но даже если рассматривать этноархеологию только как научное направление, связанное с методикой реконструкции явлений прошлого, то и в этом случае возникают методолого-теоретические аспекты этой методики.

И все же этноархеология, по нашим представлениям, в будущем выделится в науку как особая научная дисциплина, имеющая в своей структуре методологию и теорию конструирования моделей прошлого (в нашем понимании – этносоциокультурных систем), историографию интеграции археологии и этнографии, этноархеологическое источниковедение, методику конструирования и реконструкции (для более ранних периодов истории человечества) моделей прошлого и фактические (эмпирические) исследования методами этноархеологии социумов и культур разных исторических эпох и их динамики.

При этом следует исходить из того, что при изучении социокультурных и – как одного из их типов – этнокультурных процессов, которые чрезвычайно важны в системе этнических и этносоциальных процессов, для ранних периодов этнической истории историко-культурных общностей, несомненно, большое значение приобретают археологические материалы. Возьмем для примера конкретный регион – Сибирь. Там для периода XVII–XVIII вв., по отношению к которому имеются русские письменные источники, роль археологических материалов при изучении культуры коренного населения (как и в целом истории бесписьменных народов) продолжает оставаться довольно значительной²⁵. Конечно, письменные источники – архивные материалы. опубли-

ликованные документы, записки путешественников, труды ученых разных профилей и т.д. – содержат немало сведений этнографического характера²⁶, но описания культурных, а порой и социальных явлений зачастую поверхностны и мало конкретны, а некоторые стороны культуры иногда вообще не затронуты документами такого рода. Отсюда и необходимость обращения к другим видам источников, и в первую очередь к материалам археологии.

О важности изучения археологических памятников средневековья и нового времени Сибири постоянно упоминается в нашей литературе²⁷. Именно при изучении памятников этих эпох намечается перспективная возможность непосредственного использования этнографических материалов. Следует еще раз отметить, что вплоть до настоящего времени в такого рода исследованиях чаще всего проявляется одностороннее обращение археологов к этнографическим материалам и этнографов к данным археологии лишь для поисков параллелей. Известный московский исследователь И.С. Гурвич верно, на наш взгляд, подмечал, что «...декларируемый почти в каждой работе, посвященной этногенезу, комплексный подход к этой проблеме по существу остается благим пожеланием»²⁸. Недостаточное овладение теоретическими положениями и методикой смежной науки нередко приводит специалистов этих двух профилей к ошибочным выводам или просто к поверхностным утверждениям. Без взаимопроникновения теории и методики археологических и этнографических исследований дальнейшее разрешение проблемы этнической интерпретации археологических комплексов, изучения социокультурных процессов в древности не представляется достаточно перспективным. В результате на современном уровне науки выявляется относительно малый выход совокупности археологических и этнографических данных в область исторической информации и прежде всего в изучение истории социокультурных, в том числе этнических, образований. В решении этой проблемы заинтересованными сторонами в одинаковой степени являются как археология, так и этнография.

Представляется, что одна из первоначальных задач при работе в этом направлении состоит в ликвидации разрыва между этими двумя науками. Следует подчеркнуть, что археологию и этнографию связывает прежде всего то, что культура в широком ее понимании и социум – их общие объекты изучения. Отсюда и целый круг общих вопросов этих двух наук: изучение природно-средовых и социально-экономических процессов, хозяйственно-культурных типов, явлений материальной, соционормативной и духовной культуры, хода исторических событий, обозначение функций предметов, реконструкция семейных и общественных отношений и т.д. При решении многих из этих вопросов археология и этнография пользуются, как правило, своими научными методами, а нередко имеют и свой строго очерченный круг проблем, не связывающих эти две науки. Но именно нарастающая в последние годы в отечественной науке интеграция археологических и этнографических исследований приводит к качественно новому этапу в изучении генезиса и динамики социокультурных явлений и систем.

Примечания

¹ Томилов Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1998. № 1. С. 3–14.

² Методолого-теоретические разработки омских ученых в области интеграции археологических и этнографических исследований изложены в ряде публикаций, см., напр.: Богомолов В.Б. Реология – наука о вещах и археолого-этнографические исследования // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Ч. I. Новосибирск; Омск, 1996. С. 28–31; Левочкина Н.А. Археолого-этнографический комплекс и традиционная народная хореография // Там же. Ч. II. С. 48–51; Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. Томск, 1981. С. 132–134; *их же*. Художественный стиль и археолого-этнографические исследования // *Проблема исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири*. Томск, 1990. С. 150–153; Жук А.В. Источники этнографо-археологического комплекса (взгляд археолога) // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Ч. I. Омск; Санкт-Петербург, 1998. С. 71–75; Корусенко М.А.,

Корусенко С.Н. Некрополи сибирских татар: возможности изучения этносоциальной дифференциации // Там же. С. 124–127; Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографическая наука в Омске: истоки, история и современное состояние // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 5–36; Мельников Б.В. Из опыта археолого-этнографических исследований Омского университета в Западной Сибири (1987–1991 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 1. Новосибирск, 1996. С. 25–29; Матющенко В.И. О соотношении археологических и этнографических материалов в исторических исследованиях // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований... С. 123–125; *его же*. Археологический микрорайон и этнографо-археологический комплекс // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Новосибирск; Омск, 1996. С. 23–25; Селезнев А.Г. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. II. Омск; Санкт-Петербург, 1998. С. 57–62; Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Возможности использования методики исследования археологических микрорайонов в археолого-этнографических реконструкциях // Там же. С. 92–94; Тихонов С.С. Источники XIX века и моделирование этнографо-археологических комплексов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа, 1997. С. 143–145; Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 2. Новосибирск, 1997. С. 10–19; Толпеко И.В. О возможностях археолого-этнографических сопоставлений в изучении эпохи камня // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. II. Новосибирск: Омск, 1996. С. 13–15; Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). Томск, 1983 и др.

³ Очерки социальной философии. СПб., 1998. С. 53.

⁴ Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (по материалам тазовских селькупов). Сургут, 1997. С. 3–4; Томилов Н.А. Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы... Т. 1. С. 10–11; Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // Сов. этнография (далее – СЭ). 1984. № 2. С. 100–113.

⁵ Томилов Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов... С. 3–14; *его же*. Этноархеологическое направление в омской исторической науке // История и культура Сибири. Омск, 1996. С. 110–115.

⁶ Очерки социальной философии. С. 71–72.

⁷ Шнирельман В.А. Указ. раб. С. 112.

⁸ Кениг А.В. Указ. раб. С. 3–4.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Глушков И.Г. Керамика как археологический источник (методика технологической диагностики лепной посуды). Новосибирск, 1995. С. 1.

¹¹ Кениг А.В. Этноархеология как метод реконструкции образа жизни // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Омск, 1995. С. 23.

¹² Кениг А.В. За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 83.

¹³ Шнирельман В.А. Указ. раб. С. 112–113.

¹⁴ Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы. М., 1988. С. 95.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Горелик А.Ф. (ред.). Ethnoarchaeological Approaches to Mobile Campsites. Hunter-Catherer and Pastoralist Case Studies / Eds. C. Gamble, W. Boismier. Ann Arbor; Michigan, 1991. 420 p., 130 fig. // Российская археология. 1995. № 1. С. 238–242; Кениг А.В. За создание отечественной этноархеологии. С. 83–84; Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы. С. 100–113 и др.

¹⁷ Мельникова О.М. Заметки о содержании этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. II. 1998. С. 17.

¹⁸ Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1. С. 8.

¹⁹ Сычева Л.С. Гносеологический анализ процессов формирования научных дисциплин. М., 1991. С. 3.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Розов М.А. Научное знание и механизмы социальной памяти. М., 1990; *его же*. Пути научных открытий // Вопр. философии. 1981. № 8. С. 138–148.

²² Сычева Л.С. Пути формирования стыковых наук // Взаимодействие наук как фактор их развития. Новосибирск, 1988. С. 72–86.

²³ Томилов Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов... С. 6; *его же*. Проблемы интеграции археологических и этнографических исследований (из опыта омских ученых) // Интеграция археологических и этнографических исследований. 1997. С. 155–156; *его же*. Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири: программа и опыт экспериментального этапа // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 464–466.

²⁴ Томилов Н.А. Этноархеология и изучение этнографо-археологических комплексов // Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 83–85; *его же*.

же. Этнографо-археологические комплексы: проблемы изучения социокультурных систем // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 145 и др.; *его же*. Этноархеология и этнографо-археологические комплексы (проблемы изучения социокультурных систем и этнической истории Сибири) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. С. 244; *его же*. Этноархеологическое направление в омской науке // История и культура Сибири. Омск, 1996. С. 111–112; *его же*. Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы... Т. 1. С. 10–11 и др.

²⁵ *Кызласов Л.Р.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 12.

²⁶ *Васильев В.И.* Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // СЭ. 1990. № 6. С. 39.

²⁷ *Илюшин А.М.* К вопросу о средневековой этноархеологии Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Омск, 1995. С. 32–33; *Кызласов Л.Р.* Указ. раб. С. 12–15; *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. С. 112–113; *Савинов Д.Г.* (рец.). В.И. Молодин. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 180 с. // СЭ. 1981. № 2. С. 180; *Худяков Ю.С., Плотников Н.А.* Изучение археологических памятников XVII–XIX вв. в Горном Алтае // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Омск, 1995. С. 69–74 и др.

²⁸ *Гурвич И.С.* Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние, проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 40.

N.A. Tomilov. Ethnoarchaeology as a Scientific Trend

Ethnoarchaeology is a scientific trend that has emerged and develops from the integration of archaeology and ethnography in the 20th century. It is called upon to resolve a range of problems on the genesis and dynamics of the society and culture of mankind and of their elements belonging to different chronological periods on the basis of combining archaeological and ethnographical visions of these problems. Ethnoarchaeology finds its object in the socio-cultural systems with their complex structures and ties, which are constructed and reconstructed through the integration of archaeological and ethnographical pieces of information. The subject of ethnoarchaeology is provided by the ability of socio-cultural systems and processes to reflect historical situations which can be registered through a combination system of archaeologo-ethnographical data knowledge.